

Антология

просыпаться и в мире просверливать гень

В загазованном городе из покосившихся темных аллей мы скончались ты помнишь? как смерти покорна покатошь измотанных улиц переулков сутулясь влезает в тупик надевает чулок на подагрой сведенную скулу здесь изношена до рассыпания асфальта земля по истоптанному крышам валяются тонны кошачьего с тополем пуха голубиные перья и погнутые звуки подошв о худой известняк и с прожилками мрамор церквей и клеенку пунктов обмена валюты

обожаю Москву с утюгом на паху и с паяльником ввинченным в глаз я давно уже пыль на висках отлитого в бронзе витии надоед композитор блошинных укусов и ответы давать мусорам досмотревшим мой мусор я давно уже дым над антенной иглой запятая над дверью в запекшейся крови над Титаником в ложе усмешка веселой вдовы я губами лечу гладиаторов рваные брови

Аракчеев в сметане в нью-йоркской жарке разбежаться по рельсам и составом с моста по термометру вверх островных вертикалей из стальных зазеркалий пить воду с лица манекена в витрине и мы проплывали на пароме мимо вытянутого пейзажа небоскребы пыряли губку неба свинцом в неоне размалеваны бедра золотом в саже и меню грез на фасаде Гудзон надышавшись бензина тачает петлю обмотавшись мостом подземка в падулей визжат тормоза плюс сорок потолков прилипают к стене как штаны к спине вся жизнь пройдет на станции «96-я стрит» вы правы поезд никогда не придет духота Бруклин Квинс Чертаново ВДНХ кому ты нужен кто тебя ждет Аракчеев? сердитый цыпленок в пуэрториканском кафе невидимых благ небесных не приобрел и слоняешься

две точки так много! на всю бесконечность на эту бездонность в распахнутый воздух какие порывы какие мотивы художник черпает из внутренней боли луга и кадило пила и веревка больница бессонница темная вена какие раскаты какие прорывы в заоблачность выше тумана и дыма в беспаспортность в легкое чмокание крыльев не больно не больно а солнечно только смотреть на процесс выжигания жизни и грозди кристаллов в искусстве объемов

подпирая собой облака лотофаг ты прозреешь внезапно твоя голова Останкинская телебашня ноги в мокром песке нервы провода вынесенные за скобку провожают кивком лебеда анис и крапива и сутулая ива поезда без тебя по стране побегут бросаться

начинать тяжелее всего начинать надуть полость легких раскатыстым эхом и слова подбирать подпирать налитые тяжелые грузные веки начинать как ни в чем не бывало дышать и опять отворять шпингалет собачкой в висок и выбрасывать взгляд в забалконную ширость и зрачками опять как в копилку в затылок бросать воздух землю и воду салатную милость продолжать наблюдать нарастание лун под порядковый номер ползущих в туннель календарный будем пить капучино бискотти кроша на штанину до террасы отеля доносится гул планетарный под тентом писатель здесь

по-русски сидел тополя вспоминал в полдень спят кипарисы платаны с трезубцем голый мужчина в фонтане устал красоваться смотря третий век в колоннаду ах пожалуйста дайте халат и пижаму над зеленым диваном покоится серый портал Пергамон просыпаться и в мире просверливать день напечатать знак воляной на вечерней бумаге шагреневой над акрополем детским плывя в пустоту амфор битых бутылок жизнь колыхнется рыбы с делами снуют по кораллам и атлет натирается маслом для прогулки с веслом

звезды сколько вас воздух рашипилем обводит губы иней гвоздиком подводит брови уплыли мои глаза укатили бордовой ленточкой горизонт перевязан на горизонте мужчины юноши много пуговиц на вас много сладкой мороки и все чтобы пальцем по латинскому надгробью водить и обронить «истекаю морковным соком» или в этом роде

снова волки и нетопыри в летящем гробе Николай Васильевич что по телефону расскажешь о жизни в потустороннем колхозе у вас римские пинии раскидистые а здесь из навоза отрубленные руки с подснежниками загнанными под ногти колокольные звоны ладаны фимиамы по умученным раздавленным сваренным видимо страна моя такая Муравия

последний вальс прежде чем стану солнцем ночь пустота грохнусь

ГЕОРГИЙ ВЛАСЕНКО

здесь кремируют свет окончания острые крыш прижигают азотом вертявые мелкие звезды на эстрадах блистают новейшие п...ы ночь в Москве из-под купола с вышки бросание вниз мать моя женщина верно отец мой луна запрокинувши голову пьяно-устало в подъезд словно в космос мы уйдем до утра в простыню в облегчение сна в люминалом поросшие десны-овраги и свежие доски мы скончались а помнишь прибои колен? занесенных над шеей венчальной короной ударили в висок комарами гормоны я кругами ходил по ночному Кольцу над тобой и на цыпочках полз по бульварам от Трубной до Сивцева Вражка без пера между ребер дурная бумажка под защитой негласной счастливый немой

участник рассветов деятель ливней где твоя очередная победа над солнцем гаситель поползновений перерождающихся в свет лунный юношей ставших цветами нарцисс кипарис гиацинты засушенные в книгах небоскрежки трепеты лепеты стебельки дыньки жимолость море штукатурит небо синькой кедр ливанский чубчик сосен барашки в изголовье кровати на матрас налитое столько влаги за десятилетие все ушло в вату пружину со скрипом сперматозоидам так хотелось дотянуться до тепла в зимы в глазах кровавые мальчишки с перерезанным горлом оседают в ромашки брат козленочек непревращенный обратно наигрался сосками и ягодицами ребенок ангел под душем смывает кровь играет бицепсами теперь спи

Орфей непрестанно Улисс неотступно гуляют за полночь по улицам гулким двором проходным боковым переулком от лба до затылка от спальни до кухни поехала крыша к реке по суглинку июль накаляется жезть беспощадно по Цельсию трубке до верхней зарубки градус ползет до побития планки хлеба лежат желтеет округа и жизнь выгорает под солнцем прожженным так что уж тут крест недомолвка в потемках я выдумал повод и выдумал поро

не ходят трамваи и спят пассажиры по частным владениям брешут собаки на спуске себя предлагает машинам путанка в штанишках желаю удачи темны огороды из досок сортиры за флоксом с клубничкой садовые дачи на голову села подушка с периной задворки Европы в станице казацкой опять задыхаюсь от вишен с укропом как душно как тихо! в репях и капусте найду ли ребенка с возвышенным сердцем открытым искусству?

чади чади моя звезда умри и загорись снова на небе в соотый раз обнова штаны с какого-то плеча опять закушенные губы куда идти? юга «Маяк» и ча-ча-ча из радиолы как страшно жить по вечерам висит наточенный крапивой булавой бритвой месяц висок буравя бузиной играет лезвием щекочет на горле голубую жилку вот эту полночь не осидло нырну в мартини туда где разбивает лоб форель о лед

«СЕГОДНЯ»: Георгий Власенко родился в 1955 году в Ессентуках. С 1987 года живет в Калифорнии. Стихи и статьи по искусству печатались в журнале «Континент», газетах «Русская мысль», «Новое русское слово». Участвовал в поэтических антологиях, изданных в России, США, Мексике. В 1991-м поставил фильм «Кавказские капризчио». Первая книга стихов «Прекрасная катастрофа» вышла в Москве в 1993 году.

неприкаянный
туда-сюда

прорубался закат с Вест-Сайд на Ист-малая в шеренгах авеню и стритов брызнем Гуччи покормим гастрит зрелищем сраженный партер свистят занавес взлетает над кордебалетом в кафе сию развожу строку в кофе с ликером бульон сонета закрылся напротив театр-бурлеск уставшая пери звезда минета нос пудрит и ловит такси залитая желто-зеленым светом как в сырной лавке рокфор и бри ждут лезвия чтобы лежать в буфете Нью-Йорк Нью-Йорк на бетоне пишу твои драгоценны пыль и грохот летящему вниз всегда по плечу падать в ночной неумолчный рокот над водой выглядывает статуя Либерти нет по размеру ей мужика затекла без движения вытянутая с факелом рука сними с нее чулки распахни халат скучно одной вместо бретельки висит канат статуям тоже нужна любовь в заливе парусник гуляет и мачта гнется и скрипит как мягко вечер опадает на камень локоть лазурит

две точки отсчета жасмин и шиповник две точки опоры остались мне в мире жасмин разлитое в пространстве блаженство шиповник курение ладана в клире

ангел под гудом смыкает кровь

с мостов в поля сурепки опознает ли нас река без ботинок бумаг и кепки лотофаг сорок лет прогрезил протирая затылком небо клевер верба альфа омега тридцать тысяч дней бормотал кипятил воду

заплетая в косичку мрамор Дельф с кровью вишен спелых ленивым розам читал стихи чайным кремовым астрам белым Каллимах над распилами дня в Фермопилах рязанских в прессованной стружке заката свесив ноги отвесно в чуланчик Гекаты над бровями свистят комары дыханье мистерий застряло в черешне с малиной в пруде заключенном в суглинок и разбитом тазу в пышной веронезовой тине воспевают ранет и день трудовой завершает иволга

на тахту как раненый скифский воин падает под созвездия разных альдебаранов пусть себе топчут спящих большая победа! хромая планида хорезмского плена слышите звезды вы рога и копыта козлотуров окурки в плевательнице Бога он уехал в другую галактику в командировку и забыл про эту голубую планету а все остальное дело поэтов бряцанье кимвалов на кушетке одной всем известной дамы а может и не дамы вовсе из провинций обеих Америк и Европы тоже доносятся значительные тарантеллы сердец близких к отдалке шести номеров в лотерее и заговора сионских мудрецов скучно мне и одна Вампука читает вслух фиалки

Всемирная литературная коллекция

Издательство «Полдень в Москве» готовит к выпуску новейшую антологию мировой литературы.

Серия «Всемирная литературная коллекция» возрождает лучшие традиции российского книгоиздания.

Это необычное собрание. Часть его — раритеты, которые давно стали музейными экспонатами. Перечень наименований заставит биться сердце любого собирателя библиографических редкостей. Есть, наконец, шедевры, которые переживут еще не одно тысячелетие.

«Всемирная литературная коллекция» состоит из двухсот томов. Эти роскошные иллюстрированные издания напомнят нам, что книга — не всегда дешевое удовольствие.

В эпоху нестабильности и упадка эта коллекция — залог уверенности в завтрашнем дне. Той уверенности, которую мы вместе с этой коллекцией передадим нашим детям и внукам.

«Всемирная литературная коллекция» — это:

- 200 томов самых последних достижений современной полиграфии.
- 200 томов в кожаных переплетах ручной работы, а также в парче и шелке.
- 200 томов, тисненых золотом и серебром.
- 200 томов самого изысканного оформления.
- 200 томов, причем тираж каждой книги — тысяча (всего лишь!) пронумерованных экземпляров.

Господа! Истинные ценители изящной словесности, а также владельцы шикарных мебельных гарнитуров, не забывайте о том, что книга — не только источник знаний, но и предмет непреходящей роскоши! Помните, что бессмертие — дар, уготованный избранным.

Звоните: 213 21 51,
Издательский дом «Полдень в Москве».

Орфей непрестанно
Улисс неотступно